

В. В. Пассек

Очерки России. Книга 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. В. Пассек**
Очерки России. Книга 3 / В. В. Пассек – М.: Книга по Требованию, 2021. –
266 с.

ISBN 978-5-458-00399-5

ISBN 978-5-458-00399-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Une vase de la littérature, isolée
de l'histoire des nations, créerait
un prodigieux mensonge.»

Chateaubriand.

Въ обширномъ смыслѣ литература или словесность ⁽¹⁾ въ народномъ тѣлѣ есть *organe* слова выражающій его дѣятельность материальную и нравственную изустно, или письменно.

Если для чловѣка необходима память о прошедшемъ, законъ и правила для настоящаго, и мысль о будущемъ; то для народа столь же необходима литература, ибо въ ней отражается вся жизнь народа: его дѣла, его понятія, его думы, желанія и надежды, радости и печали. Если чловѣку необходимо слово, или способность передавать законъ Бога, условія общества, свои мысли, чувствованія и дѣла другому; то и народу необходима таже способность, чтобъ отъ поколѣнія къ поколѣнью передавать завѣтъ, опытъ и познанія. Слѣдовательно литература въ отношеніи къ тѣлу народному, есть неоспоримо голосъ прошедшаго къ настоящему, и настоящаго къ будущему.

Начало литературы относится можно сказать къ временамъ первой семьи людей. Въ патриархальномъ, или *семейномъ* обществѣ людей, чувства были природными писцами и живописцами, а память природной хартіей. Не человекъ училъ чувства свои начертывать въ памяти звуки словъ изображеніями предметовъ, и рисовать самыя предметы; а Божество, создавшее человека и заключившее въ немъ узы тайны созданія. Но, обиліе труда утомило органъ памяти; этой дивной хартіи не доставало уже на всѣ начертанія, которыя должны были сохраняться для потомства, и — человекъ, въ необходимости, долженъ былъ замѣнить природу искусствомъ: тѣже начертанія, которыя изображались въ памяти, чувства его перенесли на бумагу. Эти начертанія однако же были бы понятны для каждаго; потому что первый языкъ, и первыя буквы были предметныя; но человекъ желалъ таить свои мысли, долженъ былъ изобрести буквы условныя, или гражданскія, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли преимущество для скорописанія.

Такимъ образомъ, покуда не было изобрѣтено письмо, литература, какъ потребность нравственнаго сообщенія, существовала въ памяти. Въ памяти отпечатывались законы, опытъ и мысли, и передавались живыми вѣстниками въ *словахъ*, *думалъ*, *сказкахъ*, *пѣсняхъ* и *половицахъ*.

Разсматривая литературу въ обширномъ смыслѣ, мы должны раздѣлить ее на всѣ тѣ періоды, которые она, какъ органъ народнаго слова выражаетъ, развиваясь и совершенствуясь съ возрастомъ его.

Развитіе литературы народа предупредившаго прочихъ въ просвѣщеніи, могло имѣть только два періода:

Въ первомъ періодѣ она была *литтературою памяти*, или *изустною*, естественно развивалась во всѣхъ родахъ, свойственныхъ жизни народа: или свободной пѣсно любви, или обрядной *славой* самой жизни и *силъ природы*.

Въ этомъ первоначальномъ своемъ бытѣ, литература чуждалась прозы, и была неразлучна съ голосомъ: этого требовала память; ибо мѣрный стихъ легко отпечатывается въ памяти, имѣеть отъ природы какую-то наружность, какъ плодъ одушевленнаго чувства, которое не просто говоритъ, но рисуетъ.

По изобрѣтеніи письма, литература письменная должна была начать дѣятельность свою съ собранія священныхъ, или прославляющихъ божество пѣсень, и въ этомъ смыслѣ безъ сомнѣнія и приняла названіе *излищной* (*Isiaca*), или восхваляющей *мать природу* ^(*).

Совершенствуясь, она образовала священный языкъ, или *языкъ боговъ* — поэзію (пѣснопѣніе) — возвысившійся надъ *разговорнымъ* живымъ языкомъ, или прозой, которая составила со временемъ другую вѣтвь литературы, какъ необходимое орудіе дѣятельности гражданской, обнимая собою всю прозу жизни; словомъ, языкъ чувствъ, принялъ названіе поэзіи; а языкъ ума — прозы.

Преданіе объ изобрѣтеніи письменъ у всѣхъ народовъ одинаково: повсюду письмо изобрѣтено *ми-*

воиъ гражданской жизни и торговыхъ сношеній. Въ Индіи *Ганезой*, божествомъ торговли, искусствъ и наукъ; въ Египтъ *Таутомъ* (ѳоѳ), или *Гермесомъ*, который училъ людей всѣмъ полезнымъ знаніямъ и изобрѣлъ священныя письма (Иероглифы) и гражданскія. Это тотъ же Эрмій, Гермесь Грековъ и Меркурій Латинъ. Не возможно опредѣлить, гдѣ пало семя изобрѣтенія письма; но такъ какъ въ природѣ все развивается отъ единого семени, то и изобрѣтеніе письма имѣло одинъ изтокъ и было распространено тѣмъ народомъ, который предупредилъ прочихъ дѣятельностію торговой и гражданской жизни. Миѳическія имена его: у Китайцевъ *Ѳо*, сходное съ Египетскимъ *Ѳоѳ* (*а-ѳоѳ* — Египетское названіе *Эѳіоповъ*) ⁽³⁾; у Индѣйцевъ *Ганеза*, сходное съ съ Вавилонскимъ *Оанесъ* ⁽⁴⁾ (*Азаконъ*) или *Уанъ*; у Грековъ миѳическое имя уже исчезаетъ и ихъ законодатели *Атланты* и Финикіане (настоящее назв. *Фана-х*); по сѣвернымъ преданіямъ основатели гражданской жизни *Азы* (*Aesir*); въ библейскихъ преданіяхъ *Иу-валъ* изобрѣлъ пѣвницу и гусли; а *Ѳо-велъ* кованіе мѣди и желѣза, и слѣдовательно искусства гражданскія.

Суди по ближайшимъ къ намъ образцамъ, поэзія всегда принадлежала патриархальному быту народовъ; а проза развитію гражданственности: такъ ученіе Друидовъ Галлійскихъ или Цельтійскихъ, заключалось въ пѣсняхъ. Древніе народы населявшіе Германію, по словамъ Тацита *Celebrant carminibus antiquis (quod unum apud illos memoriae et annalium genus est) Tuisconem deum,* т: е:

«воспѣваютъ бога Туискона древними стихами, которые у нихъ составляютъ единья меморіалы и лѣтописи.»

Основываясь на этомъ, на древнюю литературу Индѣйцевъ можно смотрѣть, какъ на единственный образецъ самобытнаго развитія и перехода изъ изустной въ письменную: *Пураны* (древнѣйшія писанія), заключающія въ себѣ полный курсъ ученія и познаній, писаны мѣрными стихами, равно какъ и *Веды* — книги богословія, *Магабарата* и *Рамаяни* — историческія преданія.

Вообще изустныя преданія были основой, храненіемъ и распространеніемъ древней Индѣйской литературы. Въ сборникахъ священнѣхъ гимновъ и обрядныхъ постановленій, извѣстныхъ подъ именемъ *Ведъ*, названіе *срута*, т. е. *слышанное*, ясно подтверждаетъ это. Въ томъ же смыслѣ и названіе древнихъ законныхъ уставовъ *смрити*, т. е. *памятованіе*.

Всѣ древнія творенія Индѣйцевъ *передавались* изустно: ⁽⁵⁾ сочинитель заставлялъ учениковъ своихъ учить наизусть свои творенія; ученики становились въ свою очередь учителями и передавали новому поколѣнію; такимъ образомъ твореніе переходило изъ устъ въ уста, въ духовномъ потомствѣ браминовъ или ученыхъ.

Къ первобытной гражданской, прозаической литературѣ, кажется должно отнести книги Таута, или Гермеса Трисмегиста, въ которыхъ, по преданію, заключались первые законы Египтянъ, обряды жертвенныя, гармонія, астрологія, медицина, ис-

куство военное и музыка. Оригиналы не сохранились; но по крайней мѣрѣ, они были кладеземъ изчерпаннымъ Греками, во время ихъ владычества надъ Египтомъ.

Грековъ и должно принять первымъ народомъ, принявшимъ свое ученіе отъ другаго.

Ходъ литературы у народа, приняшаго ученіе отъ другаго, можетъ быть вдвое скорѣе; но за то удвоятся и періоды ея развитія.

Послѣ періода изустной литературы, свойственной даже дикарю, съ воспріятіемъ просвѣщенія отъ другаго народа наступаетъ *второй періодъ*, который можно назвать *учебнымъ*, или хрестоматическимъ. Въ это время народъ, волею и неволею твердитъ первыя правила гражданской жизни, живетъ чужимъ умомъ, чужими чувствами, и чуждыми условіями. Передъ нимъ три пути: *забыть свое хорошее и худое, и принять чужое добро и худо; оставить свое худое, и къ своему доброду присоединить чужое хорошее; или забыть свое доброе, и къ своему недоброду перенять все чужое зло.* Въ этомъ періодѣ народъ заучиваетъ наизусть чужую исторію и литературу, какъ данные ему образцы.

Третій періодъ, составляетъ литературу *изличную классическую*, или подражательную образцамъ литературы народа учителя, или народа совершившаго со славой кругъ жизни своей и литературы.

Въ слѣдъ за этимъ наступаетъ *періодъ классической ученой литературы*. Водворится философія и науки, но безъ примѣненія къ потребностямъ народа; ибо это уже составляетъ преимущественно

собственную заботу каждого *стремиться къ само-бытности*, когда кончится наука и народный разум выйдет из опеки и періодовъ слѣплаго подражанія.

Періоды самобытности: пятый и шестой. Въ первомъ изъ нихъ народъ начинаетъ жить собственнымъ сердцемъ и чувствами, и отражать себя въ собственной *изящной литературѣ*; во второмъ начинаетъ жить своимъ умомъ и высказывать свой умъ и опытъ въ собственной *ученой литературѣ*. Но самобытность его преимущественно основывается на наследіи отъ отцовъ: чѣмъ болѣе добра оставили они ему, тѣмъ скорѣе онъ будетъ господиномъ въ дому своемъ. Прошедшее есть гранитъ, на которомъ зиждется зданіе новое.

Всѣ сказанныя степени литературы развившись вмѣстѣ съ возрастами народа, остаются въ немъ, и совершаютъ свой кругъ такъ сказать отъ посѣва до жатвы, отъ поколѣнія до поколѣнія.

Вмѣстѣ съ развитіемъ литературы развивается и языкъ народа, во всѣ тоны гармонія звуковъ. Возьмемъ въ примѣръ полный кругъ развитія Латинскаго языка. Изъ Греческаго Дорическаго нарѣчія, Этрускихъ и Осскихъ *самическихъ гимновъ и законовъ* извѣстныхъ подъ именемъ 12 *скрижалей*, которыми *стихиры распѣвали дѣти* еще во времена Цицерона, образовался жесткій языкъ Дуллія, Цецилія и Эннія, живой языкъ Плавта, сатирической Луцилія, исполненный грецизма языкъ Теренція, философическій, задумчивый, медленный и спондеическій Лукреція, краснорѣчивый Цицерона и Тита

Ливія, ясный и правильный Цезарь; нарядный Герация, блестящей Овидія, поэтический и точный Кутулла, гармонический Тибулла, очаровательный Виргилия, чистый и мудрый Федра.» (6)

«Языкъ образованный, развернувшійся изъ языка народнаго, отличается въ основаніяхъ своихъ отъ языка народнаго, произтекашаго изъ языка образованнаго» замѣчаетъ очень справедливо Шатобрианъ. «Первый сохраняетъ въ себѣ всю самобытность; ибо онъ развивается самъ собою, и только развертываетъ свой зародышъ; второй же, какъ прививокъ къ языку образованному, теряетъ собственный свой сокъ и приноситъ плоды чуждые.

«Образецъ перваго Латинскій языкъ, развернувшійся изъ наречія народнаго; образцы втораго всѣ языки Европы, происшедшіе отъ Латинскаго образованнаго языка.

«Живой языкъ, порожденный живымъ языкомъ, сохраняетъ въ себѣ жизнь; живой же языкъ возникшій изъ мертваго языка, заключаетъ въ себѣ что-то мертвенное, и множество словъ отжившихъ: эти слова столько же неспособны выражать жизнь, сколько типина неспособна выражать звука.»

Не возможно выразиться безпристрастнѣ на счетъ Французскаго, Англійскаго и прочихъ языковъ Латинскаго поколѣнія: это кустарники возникшіе на пни огромнаго дерева. Въ Европѣ только двѣ семьи языковъ, которые могутъ гордиться своей породой: семья Готическая и Славянская. Они сохранили сердцевину и сокъ своихъ корней; а следовательно и всю силу жизни и плодотворности. Въ

первой заметно болѣе продолженіе Еврейское, во второй, Индійское; въ первой замѣтна давность гражданственности, а во второй первобытный патриархализмъ и слова первоначальныхъ понятій, звуки, которымъ учила человека сама мать природа; ибо человекъ не сочинялъ первобытнаго языка, но, одаренный способностью произносить всѣ звуки природы, онъ перенималъ ихъ у нея, какъ младенецъ у матери, и изъ нихъ развилъ, по сравненію, языкъ, высказывающій жизнь.

Какой же языкъ ближе къ чистотѣ первобытной и къ способности выразить жизнь и природу, кратко, ясно и живо? — разумѣется, тотъ, котораго слова возрастаютъ на живыхъ звукахъ самой природы, составляющихъ понятныя чувствамъ корни изустнаго развѣтвенія. У кого заняты подобныя слова кромѣ подражанія звукамъ самой природы: громъ, трескъ, трепеть, свистъ, шумъ, стукъ, грохотъ, гулъ, шипеніе, сипѣніе, брань, буря?

Изъ названій видимаго міра образуются по сравненію названія внутренняго: отъ гарь, гореніе — горе (*печаль*), отъ гора — гордость и пр. Отъ звука выражающаго въ самой природѣ остановку: *сттъ*, *ста* — племя словъ: станъ, стѣна, столъ, стопа, ставъ, и пр. Отъ слова *жаръ*, выражающаго шипеніе и трескъ огня — *шаръ* идея о кругѣ (солнца); *гаръ*, гора, городъ, ограда, горѣ (высота), гряда, грудь.

Тма (по Санскр., *тама*) — туманъ, дымъ, дымъ, и по сравненію внутренняго міра съ наружнымъ — думъ.

Такимъ образомъ природные звуки, составляя основу языка, облекаются въ идеи, образуются въ глаголы и всѣ прочія части рѣчи, соединяются свободно съ другими словами для выраженія новыхъ понятій, на пр. громогласный, громоносный, и распложаются свободно, безпредѣльно, не нуждаясь въ займѣ словъ отъ чуждаго языка.

Всѣ основы Славянскаго языка есть природные звуки.

Разсмотрите же языки произшедшія отъ мѣртваго Латинскаго. Какъ развиваются и растутъ они?—принятіемъ чужихъ словъ въ условную общину своего языка: Французъ, изобрѣтая средство писать на камнѣ, по неволѣ долженъ назвать свое открытіе Греческимъ словомъ *лито-графія*, т. е: *каменное писаніе*; потому что слова *pierre* и *écrire* — произшедшіе отъ Латинскихъ *petra* (*пѣтра*) и *scribere*, — мертвы, не совокупаются другъ съ другомъ, не двигаются съ мѣста безъ помощи рычаговъ — членовъ, которые, какъ кажется, есть върнѣйшій признакъ языковъ, составившихся изъ развалинъ другаго народа; принявъ чуждые слова, и не зная формъ ихъ измѣненій, долженъ былъ по неволѣ замѣнить падежи членами.

Въ 9-мъ столѣтіи Славянскій языкъ былъ уже столько могучъ и полонъ разума, что въ состояніи былъ воспріять все величіе и духъ священнаго писанія, не заимствуясь ни чѣмъ, кромѣ именъ религиозныхъ, непереводимыхъ; и слѣдовательно, для этого необходимо было, чтобъ изустный языкъ Сла-